

на некоторое время в чтении, а в промежутках мы совершали прелестные прогулки. Однажды, это было 4 июля, Семен предложил нам пойти в Дымну. День был прекрасный, и так как все утро он был занят с дядей, то на эту прогулку было оставлено послеобеденное время. Мы уже весело тронулись в путь вдоль реки, как вдруг прибежал один из слуг дяди, остановил нас: *«Дяденька вас зовут»*, — сказал он. Мы повернули обратно, сожалея, по правде, что прогулка не состоится, что ее придется отложить. Мы пришли к дяде. *«Куда это вы собрались?»* — спросил он меня. *«В Дымну, дяденька, брат Семен там не бывал»*. — *«Так и быть, другой раз побывает, а теперь, Семен Васильевич, возьми-ка ты книжку, да почитай мне; а вы мои голубушки, садитесь»*. Мы, с вытянутыми минами, устроились вокруг его стола, и через минуту разразилась страшная гроза с проливным дождем. Он, улыбаясь, проговорил: *«Хорошо же, что я вас вернул; посмотрите, какая погода, вы бы все перемокли, перепростудились, занемогли бы, чего нет, перемерли, может быть, смотрите, от скольких бед я вас избавил»*. Мы от всего сердца смеялись при этом перечислении внезапных несчастий, которые его предусмотрительность отвратила от нас, вечер прошел весело, и закончился день, счастливый и спокойный.

В среду, 5 июля, дядя, встав, почувствовал себя плохо и за завтраком сказал нам, что у него небольшие спазмы в груди, которые сопровождаются легким жаром: *«Почувствовал я жар и пульс поднялся, вот тут забилось»*, — прибавил он, положив себе пальцы на виски. Это встревожило тетеньку, так как он очень редко жаловался на спазмы, и она тотчас же принялась уговаривать его быстрее ехать в Петербург. *«И, вздор какой, матушка. К чему это в Петербург? Стоит ли того?»* — ответил он ей, принявшись говорить с Семеном и не захотев больше об этом слышать. День прошел спокойно. Он был прекрасен. Моя тетья на крыльце восхищалась спокойствием реки, кораблями, которые тихо проплывали и почти не волновали поверхность воды. *«Мамочка, поди-ка ты к нам, — крикнула она ему в гостиную, — Посмотри, как здесь хорошо»*. Он тихо поднялся и побрел было к нам, но, найдя, что время уже позднее и опасаясь охладиться, тотчас же воротился и сел к своему столу. Я осталась на улице, но через окна видела его спокойно сидящим и раскладывающим свой большой пасьянс. Вдруг я заметила перемену во всех его чертах, он потер грудь и лег на спину. Тетья быстро вышла из гостиной, чтобы предупредить врача; едва она вышла, как я услышала, что дядя закричал, он запрокинул голову и все черты его выражали самую острую боль; я подошла к нему, потеряла ему грудь, он продолжал стонать, прибежал врач, натер его нашатырным спиртом, положил ему на желудок мешочек отрубей. Боль мало по малу утихла и через несколько минут не беспокоила его. Он